

## Эту книгу должен прочесть каждый!

Зачем?

Зачем нам бессвязная галиматья людей заполняющих страницы не высокими строками „горящими вдохновением“, а набором бессвязных звуков?

Зачем нам вместо столетиями чтимых великих эти раскрашенные рекламисты?

Сегодняшний день поставивший столько сияющих задач не оставляет времени для этих „пережитков прогнившей культуры“.

Довольно. Остановитесь. Все ваши возражения — ложь желтых.

Кто такие футуристы.

Никому не запрещено называться футуристами. Под этой кличкой прошли выступления и итальянца Маринетти ставившего политическую задачу — возрождение Италии — войну, и русских сладкопевцев вроде Северянина, и наши — молодых поэтов России нашедших духовный выход в революции и ставших на баррикады искусства.

Смешав немешаемое, критики, за грехи одного назвавшегося футуристом, требуют к ответу все течение.

Ругают абрикос за толстокожесть апельсина только потому, что оба фрукты.

Мы ограничили наш сборник российскими поэтами выбрав из них тех, чье слово и сейчас считаем ржаным и насущным.

В чем насущность сегодняшней поэзии?

„Да здравствует социализм“ под этим лозунгом строит новую жизнь политик.

„Да здравствует социализм“ этим возвышенный идет под дула красноармеец.

„Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь“ говорит поэт.

Еслиб дело было в идее, в чувстве—всех троих пришлось бы называть поэтами. Идея одна. Чувство одно.

Разница только в способе выражения.

У одного — политическая борьба.

У второго — он сам и его оружие.

У третьяго — венок слов.

Какое новое слово у футуристов?

Каждый господствовавший класс делал свои законы — святыми — непреложными.

Буржуазия возвела в поэтический культ — мелкую сентиментальную любовишку — гармоничный пейзаж — портрет благороднейших представителей класса. Соответствующе и слова ея — нежны — вежливы — благородны.

Все благополучно все идеализировано.

Так, поэт Фет, сорок шесть раз упомянул в своих стихах слово «конь» и ни разу не заметил что вокруг него бегают и лошади.

Конь изыскано, лошадь буднично.

Количество слов „поэтических“ ничтожно. „Соловей“ можно — „форсунка“ нельзя.

Для их мелкой любви совершенно достаточно одного глагола „любить“ им непонятно зачем футурист Хлебников шесть страниц заполняет производными от этого глагола так что даже у наборщиков буквы „Л“ не хватает.

И вся эта поэтическая вода вливалась в застывшие размеры стеклянных штампованных размеров.

Первая атака поэтов революционеров должна была бить по этому поэтическому арсеналу.

Это сделали футуристы.

Мы спугнули безоблачное небо особняков зевами заводских зарев.

Мы прорвали любовный шопот засамоваренных веранд тысячегим шагом столетий. Это наши размеры — какофония войн и революций.

И не наша вина если и сейчас благородные чувства гражданских поэтов забронированы в такие эпитеты как „царица свобода“ „золотой труд“ у нас давно царицы и золоты сменены железом, бунтом.

Только с нами дорога к будущему.

Конечно предлагаемая книга не исчерпывает футуризма. В ней собраны стихи на специальную тему — слово революция у революционеров слова.

Грядущее обрисует фигуру футуризма во все рост, пока это не мертвец позволяющий себя анатомировать, а боец разворачивающий знамя.

*Редакционная коллегия.*

**Николай Асеев**

Из кн. „Оксана“.

## Безумная песня

Рушится ночь за ночью:  
Падай, безумье, падай!  
Мы пленены воочью  
Грозной твоей усладой.

Только метнет прожектор  
Резкую ясь — и снова  
Темный уходит Гектор  
От очага родного.

В небо бросайтесь, в небо,  
Грохотом сумрак взроем, —  
С нами, кто смертным не был,  
Кто родился героем.

Там в золотом убранстве,  
В мощи вечного пыла  
Плавает зоркий ястреб —  
Гонщик яростнокрылый,

Мы ж из под вечных ярем,  
Из под темнин окружных  
Разом в него ударим  
Воем тетив содружных.

## Осада неба

Богдану

Сердец отчаянная троя  
Не размела времен пожар еще,  
Не изгибайте в диком строе,  
Вперед, вперед, вперед, Товарищи!

Эй, эй! Один склоняет веки,  
Хватая день губами мертвыми,  
Взвивайте горы, грозы, реки —  
Он наш, он наш, он вечно горд вами!

Эй, эй! Он брат нам, брат нам, брат нам  
Его, его земель и прав длинна...  
Не будет здесь на ветре ратном  
Его дыхание окровавлено.

Увидите: на море это  
На сухопутье и на воздухе!  
Такая ль воля — не допета,  
Пути ль не стало этой поступи...

Гляди, гляди больней и зорче,  
Еще, еще, еще на мир очуй,  
Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей,  
Идем, идем к тебе на выручу.

Осмейте  
Разговор о смерти,  
Пусть жизнь пройдет не по моему  
Под глупое твяканье пушек,

И неба зрачки наполнив помоями,  
Зальется дождем из лягушек.  
Я знаю, как алчно б  
Вы бросились к этой стране,

Где время убито, как вальдшнеп,  
И дни все страшней и странней;  
И эти стихи стали пачкой летучек,  
Которых прочесть никому не посметь,

Где краской сырою ложится на тучах  
„Оксана жизнь и Оксана — смерть!“  
Чьи губы новы и чьи руки — не Вы,  
Чьи косы длиннее и шире Невы,

Как росы упали от туч до травы,  
И ветер новых войск: —  
Небывших дней толпа  
Ведет межмирный поиск,

Где синий сбит колпак  
И эту русую росу  
И эту красную грозу  
Я первый звездам донесу.

## Г р а н и ц а

Гляжу с улыбкой раба ;  
Одного за другим под знамена  
Грозясь несет велеба,  
Взывая в даль поименно !

Какой человек в подъемнике  
Подбросился вверх, как мячик!..  
— Склонились внезапно домики  
Для взоров искусно зрячих,

Их много вдали игрушечных  
Свалилось, как черный козырь,  
Когда от дыханий пушечных  
Бежали по небу розы.

Светись о грядущей младости  
Еще не живое племя...  
О, Время! Я рад, что я достиг  
Держать тебе нынче стремя.

Москва, Октябрь, 1914.

## Проклятие Москве

С улиц гастроли Люце  
Были какой-то небылью,  
Казалось — Москвы на блюде --  
Один только я неба лью.

Нынче кончал скликать  
В грязь церквей и бань его я,  
Что он стоит в века  
Званье свое вызванивая?

Разве шагнуть с холмов  
Трудно и выйти на поле,  
Если до губ полно  
И слезы весь Кремль закапали

Разве одной Москвой  
Желтой живем и ржавою.  
Мы бы могли насквозь  
Небо пробить державою.

Разве Кремлю не стыд  
Руки скрестить великие  
Ну так долой кресты!  
Наша теперь религия;

# Давид Бурлюк

„Газета футуристов“ „Осенняя антология“.